

Общественно-политическая деятельность А. А. Шахматова

Академия наук и «Академический союз». В 1905 г. усилилось движение либеральных сил, вылившееся в настоящий «бунт просветительных обществ» и съездов организаций интеллигенции. Одним из крупных очагов общественного движения был, как всегда, Петербургский университет. В начале 1905 г. в университете проходили студенческие каникулы, и учебные занятия должны были возобновиться 15 января, но, опасаясь студенческих выступлений после 9 января, начальство отсрочило начало семестра до 7 февраля. В первый же день занятий в университете состоялась многолюдная студенческая сходка, участники которой выдвинули политические требования и призывали прекратить учебу. По распоряжению Николая II все студенты университета были исключены с правом ходатайства об обратном приеме. События в Петербургском университете оказали большое влияние и на другие учебные заведения города.

Общественное брожение и усиление студенческих забастовок заставили заговорить о том, что только реформа государственного строя и освобождение общества от произвола бюрократической опеки могут вернуть высшим учебным заведениям необходимое для них спокойствие. Профессор Московского университета В.И. Вернадский в статье «О профессорском союзе» («Наши дни», 20 декабря 1904 г.) выдвинул идею создания всероссийского объединения профессоров и преподавателей высших учебных заведений.

Этот призыв встретил особенно благоприятную почву в Петербурге, где это объединение было создано под названием «Академического союза». В кружке 30 профессоров разных учебных заведений была составлена записка «Нужды просвещения», где заявлялось, что «народное просвещение в России находится в самом тяжелом положении, совсем не отвечающем насущным потребностям нашей родины, ни ее достоинству», что «правительственная политика в области просвещения народа, внушенная преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку», а «академическая свобода несовместима с современным государственным строем России». В качестве политических требований записка выставляла: «установление незыблемых начал законности и неразрывно с ними связанного начала политической свободы, воплощенного в привлечении свободно-избранных представителей народа к осуществлению законодательной власти и контроля над действиями администрации».

Этот документ собирались провести в качестве резолюции на банкете профессоров, приуроченном к 150-летию юбилею Московского университета, 12 января 1905 г. Но банкет не состоялся: за двое суток до него произошло «кровавое воскресенье». Записку-декларацию союза «Нужды просвещения», решили использовать в качестве объединительной платформы и опубликовать. Свои подписи дали и некоторые члены Академии.

Слухи о готовящейся акции дошли до президента Академии наук и вызвали его серьезное беспокойство. Константин Константинович пытался убедить академиков снять свои подписи, однако никто на это не согласился. Свои неудачные переговоры с академиками президент описал в дневнике: «Пригласил к себе академиков Веселовского и Шахматова и вот почему. С.Ф. Платонов передавал Павлу Егоровичу (Кеппен. — Е. Б.), что среди профессоров возникла мысль учредить союз учащихся; предполагался банкет, раздавалась записка с приглашением участвовать в союзе, который имеет целью создать влияние профессоров и вообще учащихся на учащихся. Не подлежит никакому сомнению, что к союзу примкнут неблагонадежные и будет постановлено выразить правительству что-нибудь вполне неприемлемое. Академики Фаминцын, Веселовский и Шахматов дали свои подписи. Шахматов заявил мне, что, сочувствуя намерениям, выраженным в записке, он не согласен с изложением, а потому еще не подписался, хотя ему трудно было не

последовать примеру товарищей по Академии. Веселовский дал свою подпись. Я старался убедить его, что теперь, когда правительство впервые имеет в виду обратиться к содействию Академии, не следует академику компрометировать ее; Шахматов меня поддерживал. Мы условились, что они повидаются с Фаминцыным и другими академиками, подписавшимися под запиской, и будут убеждать их вычеркнуть подписи, имя в виду важность работы, предстоящей Академии. Но вот только что получил я от Шахматова письмо: его старания успеха не имели — никто из академиков не согласился вычеркнуть своей подписи; и Шахматов, сознавая, какая туча висит над Академией, сам подписался под запиской, не желая отставать от товарищей в трудное время и сознавая, что отсутствие его имени под запиской не отстранит от Академии беды»¹.

«Записка о нуждах просвещения в России» была опубликована 20 января 1905 г. в газете «Наша жизнь», а 27 января она была перепечатана в газете «Русь»². Этот документ был подписан 342 учеными и поэтому получил широкую известность под названием «Записка 342-х ученых»³. «Записку» подписали 16 членов академиков: Бейльштейн, Бекетов, Бородин, Веселовский, Залеман, Заленский, Лаппо-Данилевский, Ляпунов, Марков, Овсянников, Ольденбург, Радлов, Фаминцын, Чернышев, Шахматов, Янжул. Впоследствии к «Записке» присоединил свою подпись и академик Ключевский⁴.

17 академиков, подписавших «Записку», составляли около половины действительных членов Академии наук. Константин Константинович был возмущен появлением подписей академиков под этим документом, который он назвал в своем дневнике «глупой и противозаконной запиской»⁵. Президент был настолько раздосадован, что не присутствовал на заседаниях 4 и 5 февраля, на которых проходили выборы П.И. Вейнберга в почетные академики и Лаппо-Данилевского в ординарные академики: «И Вейнберг, и Лаппо-Данилевский, оба подписали записку 342-х ученых, и я не хочу участвовать в избрании, которого они, по-моему, не достойны»⁶.

Президент составил ответ «провинившимся» академикам, который он хотел опубликовать в газете от имени президента Императорской Академии наук и прочитать в Общем собрании, но Никитин убедил его этого не делать⁷. Президент напомнил академикам об их служебном долге и сделал намек на неудобство получения жалования при данных обстоятельствах. Свой ответ он переслал академикам в виде циркулярного письма. Марков назвал циркуляр прокламацией, потому что в нем не было именного обращения, и показывал его своим коллегам в университете. Бородин, получив письмо президента, сразу же подал прошение об отставке. Президент безо всякой резолюции направил его непременно секретарю Ольденбургу и по поводу этой отставки имел с ним объяснение⁸.

Впечатления Константина Константиновича от этой беседы сохранились в его дневнике: «По поводу отставки Бородина был у меня неприменный секретарь

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 11 об.–12. Запись 14.01.1905 г.

² Подробнее см.: Князев Г.А. Порицание академикам за участие в "Записке 342 ученых" // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 4. С. 14–22; Предтеченский А.В., Кольцов А.В. Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Там же. 1955. № 3. С. 82–85.

³ После опубликования записки к ней присоединялись новые подписи и скоро их число достигло полутора тысяч.

⁴ «Записка 342-х ученых» выражала мнение только части (хотя и значительной) педагогического состава вузов. Д.И. Менделеев, Л.Н. Толстой не соглашались с высказанными в ней мыслями. А.С. Будилович полемизировал с авторами «Записки» на страницах периодической печати и объединил свои статьи в сборник: Будилович А.С. Наука и политика: Три статьи по злободневным вопросам. СПб., 1905.

⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 38 об. Запись 30.01.1905 г.

⁶ Там же. Л. 40 об. Запись 4.02.1905.

⁷ Там же. Л. 42.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1905. Д. 38. Л. 3–5: Ольденбург С. Ф. Беседа Президента с неприменным секретарем 22.02.1905.

Ольденбург, с которым у меня произошел пренебрежительный разговор. Он, как мне показалось, пытался застрашить меня тем, что и все остальные академики, получившие мой циркуляр, подадут в отставку и что к ним, пожалуй, присоединятся и те академики, которые не подписывали записки 342 ученых. Я возражал, что не могу и не желаю изменить своего взгляда, даже если все академики подадут в отставку. Разошлись мы с Ольденбургом очень холодно и сухо»⁹.

«Пренебрежительный» разговор с Ольденбургом и нависшая угроза потери крупнейших научных сил поколебали уверенность президента в своей правоте и заставили его смягчить свою жесткую позицию. К этому его склоняли и ответные письма академиков, обиженных президентским циркуляром с тяжкими обвинениями. В своих письмах академики старались доказать, что, подписывая "Записку 342-х", они исполняли долг гражданина. Президент, встретив дружный отпор со стороны академиков, отступил и 5 марта 1905 г. выступил перед началом заседания Общего собрания с примирительной речью, текст которой составил П.Е. Кеппен¹⁰. Слова президента произвели на академиков хорошее впечатление; они все встали и поклонились¹¹. Непременный секретарь прочитал прошение академика Бородина об отставке; Карпинский от имени Конференции просил Бородина взять его назад, и он согласился. Инцидент был исчерпан¹².

В феврале рост общественного движения интеллигенции достиг апогея. Один за другим проходили съезды групп и корпораций интеллигенции и возникали новые профессиональные союзы, инженеров и техников, врачей, писателей, адвокатов, агрономов, учителей, которые вскоре объединились в «Союз союзов». В него вошел и Академический союз, насчитывавший к тому времени свыше 1500 членов и отделения во всех университетских городах.

Собравшийся в конце марта I съезд Академического союза постановил прекратить чтение лекций вплоть до установления автономии высших учебных заведений в виде самоуправления академических советов и выборности ректоров. Под давлением событий в стране, во время работы II съезда Академического союза 27 августа (8 сентября) 1905 г., был издан указ о подготовке к пересмотру устава 1884 г. Указ содержал временные правила об управлении университетами и высшими учебными заведениями, которые восстанавливали автономию университетов, предоставляя совету университетов право избирать ректора, а факультетам — декана. Заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете возлагались на совет университета. Проведенные в университетах выборы администрации принесли полную победу представителям

⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 59—об. Запись 22.02.1905.

¹⁰ Там же. Л. 154. Рукопись. Наверху карандашная пометка: Составлено П. Е. Кеппеном. Читано мною перед началом заседания Общего собрания Академии 5 марта 1905. Речь Константина Константиновича не вошла в протоколы заседаний Общего собрания. Есть ее машинописный экземпляр: СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 290. Л. 1: «Прошу вас, господа, забыть на время, что мы сошлись в академическое собрание, и выслушать несколько слов, с которыми обращаюсь к гг. академикам, получившим мое циркулярное письмо. Вы, господа, ответили мне письмами, где подтверждаете вашу формальную и нравственную правоту в подписании известного заявления 342-х. Искренне верю, что все вы следовали велениям долга и совести; но прошу и вас верить, что я тоже по чувству долга и искреннего убеждения написал свою отповедь. Вы высказываете уверенность, что заявление, к которому присоединили ваши подписи, не усилило волнений молодежи, а некоторые из вас думают, что оно даже ослабило их напряжение; я же остаюсь при глубоком убеждении, что заявление это было не полезно и в высшей степени несвоевременно. Немало лет уже я имею честь состоять Президентом первенствующего ученого сословия, к которому вы принадлежите; я знаю вас, вы меня знаете: мне было бы прискорбно, если бы в моем письме вы прочли что-либо исключаящее мое личное уважение к каждому из вас. А теперь, господа, откроем наше собрание и в исполнение устава и дорогих преданий Академии не будем отвлекаемы политическим разномыслием от ученых занятий».

¹¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 68. Запись 5.03.1905.

¹² Протоколы заседаний ОС. № 4. Заседание 5 марта 1905 г. § 101.

Академического союза. Первым выборным ректором Петербургского университета стал известный физик профессор И.И. Боргман, а первым выборным деканом по историко-филологическому факультету — проф. Ф.А. Браун; первым выборным ректором Московского университета стал кн. С.Н. Трубецкой¹³.

В стране нарастало революционное движение, с которым правительство было не в силах справиться и только усиливало репрессии. Русские войска терпели поражение в войне с Японией. 14–15 мая русская эскадра была наголову разгромлена в Цусимском сражении; 23 августа Россия признала свое поражение подписанием Портсмутского мирного договора, по которому она потеряла Порт-Артур и южную часть о. Сахалин.

6 августа 1905 г. вышел манифест о выборах в Государственную Думу, которая получила название по имени автора проекта, министра внутренних дел А.Г.Булыгина – Булыгинской думы. Булыгинская дума так и не была созвана, ее смела Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г., вынудившая Николая II издать «Манифест 17 октября 1905 г.» с обещанием гражданских свобод признания за Думой законодательного права.

Политическая активность Академии наук в это время пошла на спад. Некоторых академиков, в том числе Ольденбурга, охватило настроение усталости и разочарования¹⁴. Ольденбург, выступая на годовом собрании с отчетом за 1905 г., объяснял, оправдывая пассивность Академии: «На первый взгляд может казаться, — говорил он, — что Академия недостаточно ярко и сильно откликнулась на запросы обновлявшейся родины, но такое заключение не будет справедливым, ибо Академия наук, как учреждение чисто научное, всегда только до известной степени может непосредственно отзываться на явления текущей жизни. Между наукой и жизнью всегда будет известная грань, преступить которую без ущерба для себя не могут ни жизнь, ни наука»¹⁵.

После издания «Манифеста 17 октября» в Академии начался процесс размежевания групп по политическим партиям. Основную группу составляли кадеты: Ольденбург,

¹³ Впоследствии Союз как-то постепенно сошел на нет, и только в 1917 г. была сделана попытка его воскрешения. От Академического союза 1905 г. осталось несколько печатных документов и некоторый архив. Н.И. Кареев вспоминал, что «одним из результатов Академического союза было более резкое, чем то было раньше, разделение профессуры на правую и левую. В самой левой части профессуры обнаружился некоторый антагонизм между старшими и младшими преподавателями, т. е. между профессорами, с одной стороны, и приват-доцентами, ассистентами, лаборантами — с другой... которые требовали чрезмерного понижения ценза для права занимать профессорские кафедры. Помню, как один молодой химик-лаборант доказывал, что профессору достаточно знать подробный учебник своего предмета. Когда Меншуткин, сам видный химик, при этом заявлении демонстративно расхохотался, оратор поправился, что называется, из кулъка в рогожу. «Я, — заявил он, — не говорю, чтобы профессор полагался на свою память и не заглядывал в учебник перед чтением лекции»: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 232–233.

¹⁴ Летом 1905 г. Ольденбург, замещавший в Академии президента и вице-президента, писал из Петербурга Шахматову о том удручающем впечатлении, которое производили на него события в стране: «Думаю, что теперь полезно быть занятым как можно больше и не иметь времени на размышления — очень уж скверно то, что видишь и слышишь, а сделать — что можешь сделать? Для этого сперва надо было бы оставить Академию, потому что пока в ней находишься и неудобно, а, во-вторых, просто времени нет. Но — уйти, нет уверенности, что там (это туманное “там”) что-то сделаешь действительно годное. Был у меня Александр Николаевич (Веселовский. — Е. Б.) — тоскует, говорит: “Кончаю Петрарку, а на что нам теперь Петрарка?” <...> По всей Академии идет ремонт и приходится нет-нет, да и заглянуть, впечатление тяжелое: небрежность, лень, недобросовестность — не мудрено, что японцы нас бьют и бьют... Грустно, безвыходно грустно»: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1088. Л. 11–12 об. Письмо С. Ф. Ольденбурга А. А. Шахматову от 16.07.1905.

¹⁵ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1905 год, составленный непременно секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1905 года. СПб., 1905. С. 5.

Лаппо-Данилевский, Шахматов, Фаминцын, Веселовский, Бородин. Эта группа пополнялась вновь избранными академиками и до 1914 г. играла в Академии ведущую роль, определяя ее общественное лицо; Академию поэтому иногда называли «кадетским корпусом». Несколько человек, Никитин, Розен, Залеман, вступили в «Союз 17 октября». В отличие от членов кадетской партии октябристы были сдержанны в выражении своих политических пристрастий в стенах Академии и избегали политически окрашенных выступлений. Часть научного персонала учреждений составляла народническую группу, в том числе Л. Я. Штернберг и Д. А. Клеменц. Четкой правительственной ориентации придерживались академики, занимавшие высокие государственные посты: Сонин, Латышев, Голицын, Соболевский. Марков причислял себя к левым¹⁶. Остальная часть академиков держала себя нейтрально, относясь сочувственно к общественному движению.

Выборы выборщиков в Государственный совет. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» принес важные демократические перемены. Законодательная власть распределилась между монархом, Думой и преобразованным Государственным советом. Прежде Госсовет был чисто совещательным собранием пожизненно назначавшихся царем престарелых сановников, теперь же указом 20 февраля 1906 г. Госсовет был превращен во вторую палату российского парламента, наделенную равными с Думой правами. Начиная с этого времени для вступления закона в силу требовалось его одобрение обеими палатами и монархом. Предполагалось, что Госсовет будет «умерять» чересчур демократическую Думу, потому что он должен был сохранить свой консервативный характер. Госсовет стал наполовину выборным, но не от населения, а от "корпораций", в том числе и от Академии наук.

Выборы выборщиков в Государственный совет по академической курии проходили 18–20 марта 1906 г. на трех академических заседаниях и закончились победой кадетов. В первый созыв Государственного совета 1906 г. были избраны кадеты Шахматов и Лаппо-Данилевский, оба выступили по вопросу о поддержке ходатайств Государственной Думы о всеобщей и полной политической амнистии; известно и второе выступление Шахматова по поводу законопроекта Государственной думы об отмене смертной казни. В обоих случаях Шахматов высказывался в пользу широкой и гуманной политики, считая ее наилучшим средством для борьбы с революцией и смутой¹⁷. Впрочем, пребывание академиков в Государственном совете закончилось быстро, все 5 членов академической курии после разгрома I Государственной думы (9 июля 1906 г.) вышли по мотивам солидарности и партийной дисциплины из состава Совета.

В начале февраля 1907 г. вновь прошли выборы Академией выборщиков для избрания членов Государственного совета. Избраны были И.П. Бородин, А.А. Шахматов и П.В. Никитин¹⁸. Исход выборов Никитин назвал неожиданным и объяснил нежеланием Шахматова и Лаппо-Данилевского снова попасть в члены Государственного совета; по его словам, «отбывание этой повинности прошлым летом доставило им, привыкшим сполна пользоваться каникулярным досугом вдали от Петербурга, слишком много неудобств, хлопот и лишений. Если они не отказались ныне вовсе от баллотировки, то <...> только потому, что не решились открыто противиться воле своей партии»¹⁹. Никто из выборщиков в члены Госсовета не попал.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 702. Оп. 1а. Д. 10. Л. 19 об.

¹⁷ Петров Д. К. А. А. Шахматов как университетский деятель (1908-1920) // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 148. (141-150).

¹⁸ Протоколы заседаний ОС. № 2. Экстраординарное заседание 1 февраля 1907 г. § 37 и Приложение: А. А. Марков. В Общее собрание (с предложением отказаться от производства новых выборов в Государственный Совет); Протоколы заседаний ОС. № 3. Экстраординарное заседание 2 февраля 1907 г. § 38.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 13–13 об. Письмо П. В. Никитина вел. кн. Константину Константиновичу от 2.02.1907.